
БИОГРАФИЯ
ЭПОХИ

НАТАЛЬЯ
ШМЕЛЬКОВА

последние дни
**ВЕНЕДИКТА
ЕРОФЕЕВА**

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш72

Дизайн серии *Виктории Лебедевой*

Фото на переплет работы Анатолия Морковкина
предоставлено фотоагентством ИТАР-ТАСС

В оформлении книги использованы фотографии
из личных архивов автора, семьи Ерофеевых,
Валерия Котова, Евгения Славугина. Среди них
фотоработы Николая Болдырева, Виктора Кротова,
Дмитрия Кузьмина, Александра Москаленко, Лили Панн,
Романа Чепиги, Валерия Черкашина, Лили Черняковой,
Виктора Фроликова, Сергея Шилкина

Издательство благодарит за помощь в работе над книгой
Галину Ерофееву

Шмелькова, Наталья Александровна

Ш72 Последние дни Венедикта Ерофеева / На-
талья Шмелькова. – Москва: Издательство АСТ,
2018. – 352 с., ил. – (Биография эпохи)

ISBN 978-5-17-104921-8

Венедикт Ерофеев (1938–1990), автор всем известных произведений «Москва – Петушки», «Записки психопата», «Вальпургиева ночь, или Шаги Командора» и других, сам становится главным действующим лицом повествования. В последние годы жизни судьба подарила ему, тогда уже неизлечимо больному, встречу с филологом и художником Натальей Шмельковой. Находясь постоянно рядом, она записывала все, что видела и слышала. В итоге получилась уникальная хроника событий, разговоров и самой ауры, которая окружала писателя. Со страниц дневника постоянно слышится афористичная, приправленная добрым юмором речь Венечки и звучат голоса его друзей и родных. Перед читателем предстает человек необыкновенной духовной силы, стойкости, жизненной мудрости и в то же время внутренне одинокий и ранимый.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Наталья Шмелькова, 2018
© ИТАР-ТАСС

ISBN 978-5-17-104921-8 © ООО «Издательство АСТ», 2018

От автора

С Венедиктом Ерофеевым я была знакома в течение последних трех лет его жизни и благодарна судьбе за встречу с этим замечательным писателем и необыкновенным человеком. Видясь с ним часто, я всегда записывала его рассказы о самом себе, о друзьях, об отношении к различным событиям, отдельные высказывания, замечания. В своих воспоминаниях привожу и некоторые тексты писателя с краткими к ним пояснениями.

Отдельные фрагменты книги, выстроенной в форме дневника, иногда писались мной по памяти, а не по живому следу. В таких случаях, как правило, не указывались даты, но, по возможности, сохранялась хронологическая последовательность событий.

Признаюсь, долго не решалась я на полную публикацию книги. Ведь записи мои порой очень личные. Велись они для себя и совершенно не предназначались для печати. Но вот промелькнули годы после смерти писателя, и я решилась. Решилась, прекрасно осознавая, какую беру на себя ответственность.

Допускаю, что некоторых почитателей Ерофеева могут покоробить отдельные строки моих воспоминаний о нем, но напомню, что книга посвя-

6 щена не только творчеству, но и исключительно неординарной личности писателя, не чуждому и человеческих слабостей.

Хочется надеяться, что даже самый придирчивый читатель почерпнет для себя из моих записей о Венедикте Ерофееве что-то новое, интересное и важное. И если такое случится, то буду считать свой труд ненапрасным.

1985 год

17 февраля

На квартире журналиста Игоря Дудинского скопище народа: выставка неофициальных художников и игра в «путаницу». По кругу ходит лист бумаги. Каждый пишет, что хочет и, загнув текст на обратную сторону листа, оставив последнюю фразу, передает написанное соседу. Являюсь с опозданием. В комнате лишь одно свободное место на низкой лавочке у незнакомого мне мужчины. Он непрерывно курит «Беломор». По ходу игры мой текст переходит ему: «В сумасшедший дом он попал по благу». Когда лист обошел несколько кругов и всё зачитали, он обратился ко мне: «А у нас с вами получился очень плавный переход». В перерыве художник Валера Черкашин сообщил: «А я тебя сфотографировал с Веничкой Ерофеевым». Так значит это Ерофеев?! Знала бы раньше, придумала бы что-нибудь поинтереснее. В разговоре с Ерофеевым спросила: «А над чем вы сейчас работаете?» Ответил, что заканчивает «Вальпургиеву ночь», что действие пьесы происходит в дурдоме. «А что вас натолкнуло на этот сюжет?» Рассказал, что не так давно пребывал в «Кашенко», наблюдал, как на 1 Мая для больных мужского и женского отделений устроили вечер танцев – первое, что и натолкнуло.

1985 год

Начали расходиться. Уехала с художником Борисом Козловым слушать магнитофонную запись писателя Юрия Мамлеева.

Об этой нашей встрече у Ерофеева есть строчки в дневнике, как я, сев рядом с ним, нахально стрельнула у него две беломорины и еще авторучку.

Наташа Воронина, юная покровительница московского андеграунда, приглашает меня на организованный ею квартирный вечер поэзии Генриха Сапгира. Маленькая комната забита народом. В основном – молодежь. Кому не хватает мест, рассаживаются на подоконнике. Разливается чай. После ухода Сапгира – неожиданное появление Ерофеева в сопровождении его жены Галины. Наперебой все просят почитать его «Вальпургиеву ночь». Зачарованно слушаю его исполнение, его прекрасный баритон. Записываю на магнитофон.

ДОКТОР (желчно). ...Так как же обстоит с вашим общим состоянием, на ваш взгляд?

ГУРЕВИЧ. ...Короче, ощущаешь себя внутри благодати – и все-таки совсем не там... ну... как во чреве мачехи...

Периодически – взрывы смеха. В перерыве все курят на кухне. Подошла. Поздоровалась. Не поняла – вспомнил ли он меня? Кажется, нет.

Долго после этой встречи Ерофеева не видела. А с ним, как узнала от Наташи Ворониной, при-

ключилась беда – рак горла. Операция. Она предложила навестить его в больнице. Удивлена. Ведь я с ним практически не знакома. Почему именно мне она звонит? Попросила прихватить немного коньяку: «Врач разрешил», – сказала она. Но почему-то наша встреча не состоялась. (Уже потом, от Вени, я узнала, что от рака горла умер родной его брат Юрий, отказавшийся от операции. «Если бы я знал, что есть такая боль, – рассказывал он мне, – я бы лучше выбросился из окна».)

Странно... Звонит мне Маша Фомина, с которой я мало знакома – встречались где-то на квартирных литературных вечерах. Просит позвонить меня Ерофееву домой. «Я сама очень боюсь звонить, – говорит она. – А вдруг жена скажет, что он умер?»

Дает номер его телефона. Удивлена: мы живем в таких отдаленных друг от друга районах, а телефоны так похожи:

Мой: – 434-777-9

Его: – 454-777-0

Уже позже, узнав мой номер телефона, Ерофеев сам был очень удивлен. Долго цифры сопоставлял, что-то вычислял и даже расшифровал их...

По просьбе Маши ему позвонила. Услышала в трубке космический голос. Сказал несколько слов и тут же ее повесил.

1987 год

4 февраля

Татьяна Щербина пригласила на литературный вечер в Дом архитектора. Должны выступить прозаики Евгений Попов, Виктор Ерофеев, из поэтов Лев Рубинштейн, она и многие другие.

В вестибюле сразу увидела Веню Ерофеева. Он был в коричневом из искусственного меха полушубке, меховой шапке, скрывающей его мальчишескую с проседью челку, а лицо его после перенесенной операции так заметно изменилось...

Окружавшие его о чем-то оживленно беседовали, обращались к нему, а он долго и пристально смотрел на меня. Смотрел не как на человека, которого вспомнил, узнал, нет. Ведь после тех двух мимолетных, случайных встреч прошло два года. Смотрел не как на женщину, которая ему приглянулась. Взгляд – как судьба. (Уже потом он мне сказал: «Я был уверен, что ты ко мне подойдешь...») А я, сидя в зале, переживала, что не поздоровалась с ним, не кивнула. Ведь он мог подумать, что я не узнала его. Что он так сильно изменился после операции.

В фойе он уже был один и шел мне прямо навстречу. Осмелилась и подошла. Смущенно залепетала: «Здравствуйте. Вы меня, наверное, не помните... Мы виделись у Дудинского... У меня есть самиздатские “Петушки”... Так хотелось бы ваш автограф...»

Последние дни Венедикта Ерофеева

Ерофеев улыбнулся, извлек из кармашка синей холщовой хозяйственной сумки микрофон, и снова я услышала его голос: «Пожалуйста, приезжайте, тем более что жена моя сейчас в больнице».

Подошла Таня Щербина. Минуту с Ерофеевым побеседовала и откланялась. «Вы, наверное, ее пришли послушать?» – спросила я. «Да, и ее тоже, – ответил Ерофеев и многозначительно добавил: – Но в основном – своего однофамильца».

В зале нас разделяло несколько рядов. Он сидел впереди меня, наискосок, и я хорошо видела его лицо. Слушал всех внимательно, и особенно «однофамильца».

Как мне показалось – очень не понравилось ему это выступление и даже раздражало. Ушел со второй половины вечера ни с кем не попрощавшись.

У моей соседки по дому Инны в феврале день рождения. Советую ей себе в подарок купить картину замечательного художника-шестидесятника Игоря Ворошилова. Он не москвич и работы хранит в квартире своей знакомой, Наташи Алешиной. Звоню ей, чтобы узнать адрес, и – опять совпадение – ее дом на Флотской, в одном дворе с Ерофеевым. Прекрасно. Прихвачу заодно самиздатские «Петушки» для автографа, и вместе с ней к нему зайдем.

Звоним. Дверь открыла его давнишняя приятельница Алена, как она нам представилась, и тут же я увидела известного во всей Москве Игоря Ноткина, небездарного фотографа, окончатель-

но избравшего роль юродивого, зарабатывавшего себе на портвейн, стоя у церкви и прося милостыню. Он бурно нас приветствовал. Появился в дверях заметно пошатывающийся Ерофеев. Ни с кем не поздоровавшись, он возлег на диван и, подперев голову рукой, погрузился в созерцание. Беседа не клеилась. Ноткин нес какой-то сумбур, а я, не зная, чем себя занять, села музицировать за напрочь расстроенное пианино. Для серьезности начала с классики, а потом, окончательно осмелев, надрывно исполнила есенинское «Пой же, пой на проклятой гитаре».

«Сука», – чуть ли не с нежностью в голосе, глядя на меня, вдруг изрек Ерофеев, а минуту спустя с той же интонацией добавил: «Жидовка».

Н.А. с Ноткиным ушли, а мы с Аленой перебрались на кухню. Разговорились. Рассказала, что после операции его практически, кроме старых друзей, никто не навещает: избегают психологической нагрузки – для кого-то непривычным был его голос через микрофон.

«Приезжайте, приезжайте, – говорила она мне и даже попросила остаться переночевать: – Я боюсь с ним оставаться одна».

Когда вышли из кухни, Ерофеев уже был в другой комнате, лежал на полу и крепко спал. Поднять его было невозможно. Подложили ему под голову подушку, накрыли одеялом, и Алена вдруг неожиданно уехала, оставив нас вдвоем.

Пробудившись рано утром, Ерофеев, как мне показалось, не сразу понял, кто я, откуда, и вообще, что вчера происходило. Был заметно смущен.

Разговор не клеился. Но напряженность обстановки быстро разрушили вторгшиеся без звонка с двумя бутылками дешевого портвейна соседи по дому – алкаш Эдик и казах Сережа. Художник. Полилась демократическая беседа. Порывалась уехать, но Ерофеев упорно останавливал. Звонила из больницы его жена Галя. Сообщила, что выписывается и скоро будет дома. Приехав, окинув меня быстрым взглядом, как бы между прочим спросила: «А это еще что за девушка?» Собираемся все уходить, но Ерофеев меня упорно задерживает. Уже в дверях сказал: «Обязательно звоните и приезжайте в любой момент». «Петушки» мои не подписал, а отдал читать их художнику Сереже. «Пусть просвещается», – сказал он.

Ерофеев мне сам начал звонить. Почти каждый день. Иногда просил об этом Галину: «Мальчик очень просит, чтобы вы приехали».

Разговаривали мы с ним обо всем, на любые темы, но особенно ему нравилось, когда я несла всякую околесицу. Я это сразу отметила и всегда старалась его рассмешить. И это было совсем не трудно. Он любил посмеяться. Иногда хохотал над моими глупостями до упаду, до слез. Тогда Галя, голосом строгой жены, говорила: «Шмелькова, ну хватит же. Ему вредно так смеяться. У него же больное горло!» Как-то при очередном приступе смеха Веничка мне сказал: «Если моя любимая Беллочка Ахмадулина декадентка, то ты прямая ей противоположность – каламбуристка».

Я уже чувствовала, что стала ему необходимой, хотя порой (особенно по телефону) приходилось выслушивать самое разнообразное: «У меня-то все серьезно. Ты моя планида», «Ты мне уже так долго мешаешь жить. Таких, как ты, давить надо», «Ты не меня жалея. Ты себя пожалей. Ты родить еще можешь? Тогда бы я выколол деньги из-за границы, и мы бы купили в Америке колясочку».

Галя потихоньку раздражалась. Как-то, сама пригласив меня к ним в гости, вдруг неожиданно выпалила: «Не слишком ли вы к нам зачастили?» По донесению Венечки, она начала собирать обо мне информацию. Первым откликнулся ближайший друг всех московских и не только московских знаменитостей Станислав Лён*. Откликнулся, ревнуя всех к Ерофееву, весьма злобно, на что Венечка отреагировал спокойно: «По отношению моих знакомых к тебе, – сказал он, – я определяю их отношение ко мне».

Еще в первые дни нашего знакомства Ерофеев попросил Льна пригласить меня с Майей Луговской**, вдовой поэта Владимира Луговского, в открывшееся в самом центре Москвы поэтическое кафе «Гном». Предстоял интересный вечер. Ожидалось выступление поэтов и художников – Льва Кропивницкого***,

* Настоящая фамилия Епишин. Доктор географических наук, литератор, близкий друг Ерофеева.

** Ученый-гидрохимик, литератор, художник.

*** Художник, поэт. Один из старейших представителей неофициального отечественного искусства. Основатель так называемой «Лианозовской группы», из которой

Игоря Холина*, Генриха Сапгира и других шестидесятников. Лён клятвенно обещал Веничке выполнить его просьбу, но конечно же нам не позвонил. Ерофеев был страшно расстроен, тем более что финал этого вечера оказался для него печальным. В теплом кругу знакомых и друзей он неожиданно опьянел. Постепенно все разошлись, оставив его одного без денег, не ориентирующегося ни во времени, ни в пространстве. Спасла Ерофеева художница Марина Герцовская. Не будучи с ним знакомой, взяла такси и доставила домой на Флотскую.

27 ноября

Я на Флотской. Звонит Ната А.: «У меня Игорь Ворошилов. Очень хочет вас видеть». У Вени депрессия. Идти отказывается. Еле уговариваю. Из всех сил стараюсь его развеселить. Игорь, скользнув по мне своим острым пронизательным взглядом, воскликнул: «Да она же его любит!» А Веничка холодно отрезал: «Ты с каждой минутой становишься все вульгарней». Но по возвращении домой вернул и подписал мои самиздатские «Петушки»: «Милой Наталье Шм. надписываю этот паскудный экземпляр с почтением и нежностью. Помнящий неизменно В. Ероф. 27/11-87 г.».

вышли многие талантливые художники и поэты. Умер в 1979 году.

* Поэт. Яркий представитель авангарда 50–60-х годов. Создатель так называемой «барачной поэзии». Ученик Е.Л. Кропивницкого. Умер в 1999 году.

1987 год